

выбор Михаила Трофименкова

**«СПАСИБО,
МИСТЕР МОТО»**
НОРМАН ФОСТЕР
(1937)

Публика 1930-х обожала экзотических сыщиков. Когда умер Эрл Дерр Биггерс, поставивший Голливуду истории о приключениях Чарли Чана, свято место занял мистер Мото. Из японского агента, каким он был в романах Джона П. Маркана, низко-

роslый, вежливый, благородный и безжалостный азиат с двумя высшими образованиями превратился в агента Интерпола. В 1937-1939 годах вышли восемь фильмов о его скучных подвигах. В фильме Нормана Фостера он, например, спасал семь древних свитков, указывающих путь к могиле Чингисхана, забитой, само собой, сокровищами, от подлых белоэмигрантов во главе с полковником Черновым и истинного арийца герра Кергера. Но фильмы о мистере Кентаро Мото — не просто архаичный пус-

тячок, а свидетельство о трагедии великого актера. Мото сыграл Петер Лорре, бежавший от нацистов гениальный исполнитель роли маньяка в «М» (1931) Фрица Ланга. Внешность у него была гротескная, по-английски он почти не говорил, а денег на морфий ему требовалось много. Вот и приходилось гению кривляться в ролях иностранных агентов, из которых, право слово, Мото был не самым худшим.

«ТЫ ПОМНИШЬ?»
НОРМАН З. МАКЛЕОД
(1939)

Когда вышел фильм Мишеля Гондри «Вечное сияние чистого разума» (2004), возник настоящий культ сценариста Чарли Кауфмана, провозглашенного едва ли ни единственным человеком, способным в эпоху тотальной сюжетной импотенции на непред-

сказуемое и совершенно оригинальное сценарное безумие. Тем, кто не хочет разочароваться в несомненном, но, увы, не слишком оригинальном даре Кафумана, фильм Нормана З. Маклеода лучше не смотреть. Правда, где-то до середины он развивается как не слишком захватывающая светская комедия. Скай (Лью Айрис) опрометчиво представил свою невесту Линду (Гир Гарсон) лучшему другу Джеффу (Роберт Тейлор). Друг, само собой, Линду умыкнул, но его поглощен-

ность работой быстро свела на нет ее страсть. Все это кажется знакомым по десяткам других фильмов. Но сюжет ломается, лирика оборачивается абсурдом, когда Скай, не в силах смотреть на мучения Линды и Джозефа, решает напоить их препаратом собственного изобретения, стирающим воспоминания последних месяцев. Пусть Кауфман поклонится на Библии, что не видел «Ты помнишь?», когда сочинял «Вечное сияние»!

«ЧУЖИЕ ЖЕНЫ»
ЖЮЛЬЕН ДЮВИВЬЕ
(1957)

Никакие это, конечно, не «Чужие жены», а экранизация десятого романа (1882) Эмиля Золя из цикла «Ругон-Маккары», название которого принято переводить как «Накипь». Хотя, на самом деле, не «Накипь», а что-то вроде «Общего котла». Впрочем, бульварное название к

лицу фильму Жюльена Дювивье: именно такие фильмы объясняют ненависть будущей «новой волны» к скуке «папиного кино». Недаром на афише красовался неуместный подзаголовок «Триумф любви». Октав Муре (Жерар Филип), провинциал с острыми зубами, — не столько социальный типаж, как у Золя, сколько банальный, вневременной соблазнитель. Даже холодная мадам Эдзэн (Даниель Дарье), хозяйка универсального магазина, в который в ожидании выгодной партии устроился Октав,

пожалееет, что не уступила юноше: уж больно деловито он будет поправлять финансовое положение мужа своей любовницы. Амплуа любовника-бухгалтера как нельзя лучше шло Жерару Филипу на экране, а что касается его театральной славы, так мы ведь родились слишком поздно, чтобы увидеть его Сида — приходится смотреть «Накипь».

«ГЕНУИН»
РОБЕРТ ВИНЕ
(1920)

Роберт Вине снял фильм вдогонку «Кабинету доктора Калигари», подтвердив, что шедевром о докторе и сомнамбуле мы обязаны сценаристам и художникам, но никак не режиссеру, всерьез сотворившему теперь карикатуру на экспрессионизм. Лысый, что твой Носферату, папик (Эрнст

Гронау) удачно прикупил (вкупе со свирепым полуголым мавром и кольцом всевластия) дикарку Генуин (Ферн Андра), чудо в перьях и лентах — не столько райскую птичку, сколько насекомое, извивающееся, как салонная декадентка, безуспешно обучающаяся балету. Декорации смахивают на бракованные эскизы к «Калигари», дополненные идиотской пирамидой и скелетом с циферблатом вместо черепа. Девушка, конечно, поражает воображение, но не настолько, чтобы, подпав под ее чары, резать горло папику, как режет

юный цирюльник Флориан (Ганс Генрих фон Твардовски). От фильма мало что сохранилось, но, судя по доступному дайджесту, Генуин и дальше ходила по трупам, сводя с ума или пробуждая волю к смерти у всяких юношей, пока не примчалась толпа крестьян с косами, преисполненных решимости навсегда развеять ее чары.

«ШЕСТЕРКА»
МИШЕЛЬ ДЕВИЛЬ
(1986)

Еще один странный опыт Мишеля Девиля: претенциозный, на первых порах — интригующий. Режиссер словно пристраивается к модному «барочному» кино, снимая нечто выморочное в духе «Луны в сточной канаве»

(1983) Жан-Жака Бенекса. В огромной, скупой мебелированной декорации условного портового бара, принадлежащего кучерявой даме (Жанна Моро), еженощно играют в бридж журналист (Даниэль Отей), доктор (Ришар Боринже), торговец (Филипп Леотар) и профессор (Ксавье Пьеппю). Рядом в гаммаке покачивается «белая дама» (Фанни Ардан), очевидно воплощающая ледяной эротизм. Игроки осыпают нервической бранью официанта-«шестерку» (Мишель Пикколи) в кожаной перчатке на одной руке, а он

выбывает у них карты из рук и погружается в чтение книги, по которой поставлен фильм. Мизантроп-комиссар (Жан Янн) по очереди обвиняет всех игроков в убийстве некоего чужака, совершенном в сомнительном отеле. Когда в заднице у трупа обнаруживается зажималка, принадлежащая доктору, понимаешь: «Шестерка» не столько эксперимент, сколько приступ режиссерского маразма.

**«ЖЕНЩИНА
С ПЕРВОЙ ПОЛОСЫ»**
МАЙКЛ КЕРТИЦ
(1935)

Фильм Майкла Кертца похож сразу на все голливудские фильмы 1930-х годов о разухабистых, сметливых, всегда играющих с огнем репортерах и — название говорит само за себя — эксплуатирует успех

экранизаций легендарной пьесы Бена Хекта «Первая полоса». Элен (Бетт Дэвис) отказывается выйти за Курта (Джордж Брент) из конкурирующего издания, пока не раскроет, опередив его, громкое убийство, доказав тем самым профессиональную состоятельность женщин. Редакции, как водится в таких фильмах, напоминают сумасшедший дом, где работают даже слепые репортеры, а репортеров трезвых вообще не сыскать. Полиция раскрыть ничего не способна и выполняет скорее комичес-

кую функцию. Журналисты поджигают квартиру свидетеля, чтобы тот не сбежал, не дав интервью, которое возьмут для простоты под дулом пистолета, подслушивают прения присяжных и сливают конкурентам вопиющую дезу. Удивительно, что — при таких-то методах — за решетку Элен попадет лишь в самом финале. Теоретически — но только теоретически — все это должно быть весьма задорно.